

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ИСТРОРУМЫНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
(ВЛИЯНИЕ ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА)**

Рихард Сырбу (Richard Sârбу)

Исторумынский диалект, один из трёх южнодунайских румынских идиомов, который оторвался от румынского языка в XIV-ом веке, позже чем арумынский и мегленорумынский диалекты. Он находился в течение столетий под сильным влиянием нескольких языков: хорватского, словенского и итальянского (истриото-венетского), а в период австрийской администрации – и под влиянием немецкого языка. Об этом многоязычном активном влиянии свидетельствуют многочисленные лексические заимствования из этих языков¹.

Исторумыны или «западные румыны», как их называл знаменитый румынский учёный Секстил Пушкарю², известны в румынской и зарубежной историографии также под названием «румери» (< *rumeni*, с ротацизмом), «чичи»³, «чирибири»⁴ или «истровлахи»⁵.

Сегодняшние исторумыны – их не больше нескольких сотен человек – живут в двух группах: на севере Истрии, в Чичарии, в селе Жеяне, где они составляют компактную своеобразную языковую общность, и на юге, у подножья Учкой горы (Monte Maggiore), в селе Сушневице, а также в нескольких малонаселённых южно-истрийских посёлках на долине реки Раша, недалеко от Сушневицы.

На эти разновидности (говоры) исторумынского диалекта ярче всего оказалось, особенно в последнем столетии, влияние хорватского языка в его стандартной форме, как и влияние соседних истрийских хорватских местных говоров чакавского типа⁶.

Несмотря на это, в исторумынском диалекте, особенно в жеянском, более консервативном, говоре, сохранились старые румынские морфосинтаксические формы, а также старый основной словарный фонд, так как жеянцы более отдалены от главных магистралей. В селе Сушневице, например, которое расположено недалеко от магистрали Пазин – Лабин – Риека, в меньшей мере сохранились в говоре архаичные структуры румынского происхождения под сильным и долговременным влиянием итальянского и хорватского языков.

В данной работе синтетически представлены основные тенденции, которые проявляются сегодня в рассмотренном идиоме, как на уровне его лексико-грамматической системы (1), так и на уровне спонтанной живой речи исторумын, виды проявления билингвизма и его последствия (2).

Прежде всего надо подчеркнуть, что основной характеристикой актуальной тенденцией исторумынского диалекта является

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

интенсификация его дивергентной эволюции по отношению к дакорумынскому (современному румынскому языку) и к другим южнодунайским румынским диалектам.

(1) Анализ большого числа текстов, которые мы зарегистрировали в последних двух десятилетиях (1982-2000 гг.) в упомянутых двух хорватских местностях и которые частично были опубликованы в нашей книге *Dialectul istroromân. Texte și glosar*⁷, подтверждает наше убеждение в том, что влияние хорватского языка, в его чакавской и стандартной разновидностях, на истрорумынские говоры, оказалось на всех уровнях диалекта, даже в морфосинтаксисе, в этой наиболее консервативной области любого идиома. Диалектальный материал, разработанный в указанной книге, представляет собой богатый источник иллюстративных примеров и надёжную основу для аргументации теоретических положений о сегодняшнем состоянии диалекта.⁸

Наш истрорумынский глоссарий⁸ содержит 2520 слов, из которых больше 50% являются хорватскими заимствованиями, а 16% словарных единиц – хорватского или словенского происхождения⁹.

Кроме этого, в нашем глоссарии 3% единиц – исключительно словенского происхождения, 4,7% – итальянского происхождения, а 3,5% слов являются старыми славянскими заимствованиями, унаследованными из прарумынского языка¹⁰.

Слова латинского происхождения, унаследованные из прарумынского языка, составляют только 25%, зато они являются более значительными, чем хорватские заимствования, так как они относятся к основному лексическому фонду диалекта, в то время как хорватские и другие заимствования относятся к массе вокабуляра. С другой стороны, их частотность в *текстах* гораздо большая, на что указывает и хорватский языковед Август Ковачес¹¹.

Что касается немецких заимствований (5% единиц нашего глоссария), во многих случаях трудно установить через посредство какого языка – хорватского или словенского – проникли в диалект, так как такие слова в одинаковой мере принадлежат лексике обоих языков. Кроме этого, большинство германизмов свойственны и некоторым банатским говорам румынского языка. Мы считаем, что такие слова были унаследованы из более старых лексических пластов дако-румынского диалекта, или были заимствованы из словенского языка, имея в виду их словенские фонетические характеристики, или же проникли прямо из немецкого языка во время австрийской администрации в Истрии.

Другие заимствования (из болгарского, греческого и других языков), как и исконно румынские единицы автохтонского фонда (общие с албанским языком, типа *rânza, zer, rața*), а также лексические единицы с неясной этимологией, занимают в нашем глоссарии незначительное место.

Относительно словарного состава исследуемого диалекта наблюдаются некоторые типичные тенденции. Кроме значительного увеличения числа актуальных заимствований из официального хорватского языка, в рассмотренном идиоме наблюдаются лексические единицы со смешанной

структурой, образованные в результате так называемой межъязыковой контаминации, типа: *zmuntita* “сумасшедшая” (*Zmuntita-s și io*, “Я тоже сумасшедшая” – *Mila lu Tuhton*, 49 лем) < причастие от глагола *zmunti* < ст. сл. СЪМЕСТИИ или хрв. *smutiti*; ср. рум. *sminti*);

- *scoara* «кора» < слов. *skorja* + хрв. *кора* или лат. *scortea* + хрв. *кора*;
- *sfriji* «печь» < лат. *frigere* + хрв. *i/spržiti*;
- *ramer* «плечо» < хрв. *rame* + *umer* (< лат. *humerus*);
- *rozast* «розовый» < ит. *rosa* + хрв. суф. *-ast* (cf. *ružičast*).

Наряду с такими контаминациями, в нашем словаре очень много смешанных глагольных структур, формантами которых являются элементы румынского и хорватского происхождения, типа *zacleide* “закрыть”, *rasclide* “открыть”, *namânca* “наестся”, *poscula* “разбудить” и др. Очень много таких смешанных структур и среди числительных и наречий. Например: *cândgod* “в любое время” (< рум. *când* < лат. *quando*) + хрв. – *god*); *cotrogod* “куда бы то ни было” (< рум. *încotro*, < лат. *in contra ubi*) + хрв. – *god*); *invagod* “езде” (< ир. *Iuva*, < лат. *hic ubi*) + *-va* (< лат. *volat*) + хрв. – *god*); *câtgod* “сколько-нибудь” (< рум. *cât*, < лат. *quantus*) + хрв. *god*); *petzeč* “пятьдесят” (хрв. *pet* + рум. pl. *zeci*), *morke* “может быть” (< хрв. *mora* + ир. *ke* < лат. *quod*), *subreg* “под берег” (< ир. *su* < лат. *sub* + хрв. *breg*) и многие другие.

Что касается морфосинтаксиса истрорумынского диалекта, следует отметить, что обнаруживается, с одной стороны, целый ряд общерумынских элементов, хорошо сохранившихся до сих пор, например, старые формы в парадигматике и синтагматике имени существительного, местоимения и глагола. С другой стороны, в наших текстах многие конструкции бывают смешанного типа: они содержат заимствованные славянские элементы, главным образом хорватские, наряду с исконно румынскими (например, глагольные конструкции, имеющие румынскую основу и румынский суффикс инфинитива, а также хорватский префикс, как видовой формант, типа *mânca* – *namânca* «есть – наестся»), отрыв вспомогательного глагола от полнозначного глагола в составе предикативных конструкций (например, *Am âra purtât* «Носил я воды»; *Io am de mic ramâs far de mâie și far de cățe* «Я ещё маленький остался без матери и без отца»), предикативные конструкции с прилагательными и наречиями на *-o* (*Iâco-i buro* «Очень хороший», *Șe-i de novo?* «Что нового?») и другие, о которых подробно мы говорили в других работах¹³.

Основная тенденция, проявляющаяся в синтаксисе исследуемого диалекта, состоит в увеличении конструкций такого типа в речи сегодняшних истрорумын и даже в полной их замене хорватскими эквивалентами.

(2) Все эти явления, проявляющиеся всё чаще в последнее время в речи носителей данного идиома, представляют собой прямое последствие долговременного их билингвизма.

Проблема билингвизма истрорумын была предметом исследования многих румынских и зарубежных языковедов¹⁴. Их большинство, как

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

известно, высказывали мнение об интенсификации этого сложного социо-психо-лингвистического явления и речи истрорумын, владеющих в одинаковой мере как собственным родным идиомом, так и официальным хорватским языком, и пользующихся ими в зависимости от различных обстоятельств совместной жизни с хорватами и от целого ряда социальных факторов¹⁵.

Эту мысль мы неоднократно подчёркивали в выше цитированных наших работах и в докладах на Национальных конференциях по билингвизму (Бухарест, 1995 и 1997 гг. "Linguarax"), как и недавно в пленуме Международного симпозиума на тему «Истрорумынский идиом вчера, сегодня, завтра», состоявшегося в Пуле (Хорватия), 30-31 апреля 2000-ого года.

Это явление активно проявляется в речи сегодняшних истрорумын как прямое последствие постепенной потери коммуникационного потенциала идиома, многочисленных межъязыковых интерференций в данном социо-культурном контексте. Многие лексические заимствования из хорватского языка, лексико-грамматические кальки и полукальки по модели официального языка и другие подобные языковые факты ведут к значительному сужению сферы использования диалекта в пользу официального языка и определяют *асимметрический* характер билингвизма истрорумын. Такой тип билингвизма состоит в том, что говорящие, владеющие в одинаковой мере двумя языковыми системами и мыслящие в двух языках, в силу своих жизненных потребностей чаще всего прибегают к официальному языку, чем к своему родному идиому, «отвыкаясь» общаться на нём¹⁶.

В речи сегодняшних истрорумын, в этом смысле, можно выделять контекстуальные «колебания» двух типов, которые сигнализируют о распространении отдельных форм такого вида билингвизма: **(а) межъязыковая итеративная синонимия** и **(б) контекстуальная индукция аллоглотных единиц** на уровне высказывания.

(а) Межъязыковая синонимическая итерация в истрорумынских текстах является явным выражением двуязычного поведения говорящих. Это явление состоит в повторении, по различным социо-психо-лингвистическим причинам, эквивалентных лексем языков А (родного) и Б (официального) для обозначения одного и того же понятия в одном и том же высказывании. Данные аллоглотные синонимические единицы выполняют в соответствующих контекстах известные функции синонимов: уточнения или экспрессивного разнообразия речи. Например;

Atunče dupa pârva oste, pârvi svetski rat? N-â fost bire. (Sanković Ana, 81 лет, Жеяне); Pac âv zis ke s-âu mestecât cjele oi, ke s-âu spoit scupa. (Sanković Carmelo, 62 лет, Ж.); N-âm nego cjetârtina de-a mev jeludeț, ștumiș. (Marmelić Maria, 73 лет, Ж.).

Иногда переход от единиц одного языка к единицам другого языка происходит постепенно через синтагмы смешанного типа, например:

Âu stara țârcva, stara besereca, betâra besereca facut. «Построили новую церковь». (Sanković Mâte, 82 лет, Ж.).

(б) Другое явление, свойственное спонтанной речи истрорумын, это так называемая **«контекстуальная индукция»** языковых единиц, при которой преобладают элементы языка А или языка Б в зависимости от структуры синтаксических конструкций. Так например, в конструкциях с хорватскими коррелятивами *ne samo - nego*, преимущественно используются хорватские лексические единицы, хотя истрорумынская лексическая система обладает своими соответствующими единицами. Ср. *Ne samo io, nego više l'udi*. «Не только я, но и другие люди» (Ср. и-рум. omîr «люди»). Другой пример: *Ko da sâm tu rogeni brat*. «Как бы я ему родной брат» (ср. и-рум. frâte).

Такие лексические колебания в речи истрорумын объясняются их интенцией быть хорошо понятыми в общении с чужими лицами. Однако в таких текстах заметно желание лиц различного возраста чётко подчёркивать оттенки в значении и в использовании данных слов-дублетов. Это выявляет наличие языкового сознания у говорящих лиц, владеющих двумя кодовыми видами общения и осознающих, в то же время, разнообразие прагматических их потребностей общения в зависимости от определённого ситуативного контекста.

Однако следует подчеркнуть, что процесс этого «языкового смешивания» (т.е. быстрого, иногда незаметного, перехода от одного языкового кода к другому, более удобному и более легкому для выражения мыслей в той или иной речевой ситуации) естественно **не ведёт** к появлению «нового смешанного языка»¹⁷, в результате «хорватизации» истрорумынского диалекта в структурном плане, а ведёт к тому, что члены настоящих и будущих поколений данной языковой общности отказываются от своего родного идиома, угрожённый потерять свою главную роль – функцию общения.

И на самом деле частое использование иногда целых аллоглотных синонимических рядов предвещает ослабление языковой компетенции говорящих на своём родном языке. Поэтому возникает необходимость реализации равновесия, относительно двуязычной компетенции членов небольших этнических общностей, посредством культурных мероприятий охранения и подкрепления обеих языковых систем. А это возможно, в нашем случае, только в результате постоянного и настойчивого проведения соответствующей совместной культурной политики хорватскими и румынскими властями.

Исследования в связи с билингвизмом истрорумын и, вообще, с их судьбой, оказываются злободневными особенно сегодня, когда некоторые зарубежные языковеды или этнологи, пренебрегают очевидные языковые факты и историческую правду, самую реальную действительность, а именно тот факт, что сегодняшний истрорумынский идиом представляет собой настоящий **живой музей румынского языка**, отражающий своими основными лексико-грамматическими категориями древнейшее состояние прарумынского языка. Они отрицают румынскую субстанцию данного диалекта, его содержательность и ставят под вопросительный знак даже существование **билингвизма** у носителей идиома. Так, например,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

хорватский исследователь Йосип Миличевич в своей статье *Postoje li istroromunji?* «Существуют ли истрорумыны?» опровергает любое теоретическое положение, поддерживающее языковую системную организацию истрорумынских говоров. Он считает, что даже этноним *истрорумыны* не соответствует исторической правде и предлагает другой – *истровлахи*, вполне соответствующий «своей правде», согласно которой истровлахи по происхождению *из Динарских гор (!?!)* и не находились в контакту с румынами¹⁸.

Не менее удивительными оказываются теории некоторых исследователей, которые в своём намерении вскрывать генезис хорватского языка, прибегают к различным «оригинальным аргументам», недопускаемых с научной точки зрения, хотя бы относительно истрорумынского идиома. В своих поисках в области праистории ссылаются и на утверждения И. Миличевича. По их мнению, «чирибирский» идиом не является диалектом общерумынского языка, а прастарым языком, который имеет свои начала укоренены в глубокую древность доиранской цивилизации Малой Азии. Вопреки тому, что они не располагают ни одним основополагающим языковым доказательством, всё же категорически утверждают в самом заглавии своей статьи, что *«жеянцы – прахорваты, а не румыны»*¹⁹, и дальше в тексте статьи – *«Жеянцы – это последние живые потомки доиранских прахорватов»*. «Аргументы», приведенные авторами в поддержку такого чудного вывода, являются не менее удивительными, вводя нас в мир асирских и месопотамских легенд. По их мнению, в глубокой древности «чирибирский» идиом составлял вместе с двумя другими прахорватскими говорами реликтную диасистему античных прадиалектов, происходящих *«из нашей иранской прародины в Малой Азии»*. *«Чирибирский в Истрии – пишут авторы – наши последние остатки праславянского, ранохорватского праязыка»*.

В таком случае естественно возникает вопрос «Чем объясняются многочисленные структурные сходства этого идиома с румынским языком?» На такой вопрос возможны только два ответа: или (а) чирибирский говор и румынский язык восходят к общей прарумынской основе латинского происхождения (будучи романские идиомы с фракийским субстратом), располагая общими исконно-румынскими особенностями морфосинтаксической структуры и общим основным словарным фондом, что давно было основательно доказано румынскими и зарубежными лингвистами, или же (б) и румынский язык генетически связан с античными прадиалектами Малой Азии и в течение тысячелетий подвергался самым различным преобразованиям: иранизации, славянизации, романизации и т.п., что пока трудно доказывать.

Хотя мы в принципе вполне согласны с авторами насчёт необходимости охранения реликтных языковых общностей с их старинными традициями и культурными ценностями, ни в коем случае не можем соглашаться с их теорией о происхождении истрорумын и их идиома.

В прямой противоположности с выше цитированными авторами, целый

ряд выдающихся зарубежных и румынских лингвистов, как, например, Аугуст Ковачец, Зоран Филипи, Елена Слэрлэтоу и другие исследователи²⁰, с большим интересом и вниманием, основываясь на конкретных релевантных языковых фактах, определяют этно-лингвистический статус сегодняшних истрорумын, согласно объективным научным требованиям. Такие исследования оказываются ценными особенно в наши дни, в контексте сегодняшней Европы, с её открытой политикой учитывать и поддерживать желания и стремления любой этнической и языковой общности, несмотря на её величину, имея в виду, что её ценности, созданные в протяжении веков, представляют собой своеобразный памятник и драгоценный вклад в общее культурное европейское сокровище.

ССЫЛКИ

1 См. наши работы *Interferențe româno-slave în lexicul istroromân actual*, в "Romanoslavica" (Rsl), XXIX, București, 1992, с. 227-240; Present-Day Tendencies in the Morpho-Syntax of Istro-Romanian Dialect, "Linguistica", XXXI, Ljubljana, 1991, с. 141-151; Observations sur le lexique istroroumain actuel, "Linguistica", XXXIV, 2, Ljubljana, 1994, с. 73-80.

2 См. Sextil Pușcariu, Studii istroromâne, în colaborare cu M. Bartoli, A. Belulovici și A. Byhan, vol. II, București, 1926. См. подробнее о данном диалекте следующие работы: Fr. Miklošič, Rumänische Untersuchungen, I, Istro- und Makedo-rumänische Sprachdenkmäler; II. Istro-rumänische Denkmäler, Wien, 1881-1882; Ion Maiorescu, *Itinerar în Istria și vocabular istriano-român*, București, 1874 (ediția a doua, București, 1900); Iosif Popovici, Dialectele române din Istria, vol. I, Halle a.d. Saale, 1914; vol. II, 1909; Ovid Densusianu, Istoria limbii române, București, vol. I, Originile, 1961; Emil Petrovici, Elementele sud-slave orientale ale istroromânei și problema teritoriului de formare a limbii române, "Cercetări de lingvistică", XII, 1967, nr. 1; A. Kovačec, Descrierea istroromânei actuale, București, 1971. (См. и главу *Istroromâna, Tratatul de dialectologie românească*, Craiova, 1984, с. 550 и след.).

3 От хор. *čiča* «дядя»; данный этноним обозначает руководительного лица, вождя, князя, или может происходить от имени истрийского феодала влашкового рода Pascalus Chichio, на имении которого работали прадеды сегодняшних истрорумын.

4 Этот этноним, по мнению некоторых лингвистов, отражает одну фонетическую особенность диалекта, а именно *ротацизм*: *čire* (рум. *sine*) «кто»+*bire* (рум. *bine*) «хорошо». Мы же считаем, что происходит от турецк. *seri begi* «защитник границы», так как известно из истории, что «влахи – войники», организованные в «катунах», как защитники сербских границ, часто воевали с турками, пользуясь, поэтому, «влашким правом» со стороны сербских королей (напр., во времени Уроша III). См. Sextil Pușcariu, *цум. раб.*, с. 9; Silviu Dragomir, *Vlahii din Serbia în secolele XII – XV*, "Anuarul Institutului de Istorie Universală din Cluj", I (1922), с. 279 – 299; *Vlahii și Morlacii*, "Publicațiile Institutului de Istorie Universală", Cluj, 1924; тот же, *Originea coloniilor române din Istria (Academia Română, Secția Istorie, Seria III, tom. II, mem. 4)*, București, 1924; тот же, *Vlahii din nordul Peninsulei Balcanice în Evul mediu*, București, 1959; Anton Kovaz, *Dei Rimigliani*

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

o Vlăhi d'Istria, "L'Istria", 1-2, Trieste, 1946; Giuseppe Vassilich, Sui rumeri dell'Istria. Loro sedi. Quando e donde vennero (Riassunto storico-bibliografico), Gabinetto di Minerva, Nuova Serie, vol. XXII, 1899-1900, fascicolo primo, Trieste, 1900, c. 157-236.

5 См. Iosip Miličević, *Istrolasi ili čiribirci*, «Jadranski zbornik», 13, Pula – Rjeka, 1989, c. 301 – 302.

6 См. нашу работу *Морфосинтаксические структуры славянского типа в современном истрорумынском диалекте* (доклад на Международном съезде славистов в Братиславе, 1993), опубликованную в Rsl, XXX, București, 1992, c. 137-151.

7 Timișoara, Ed. Amarcord, 1998 (в сотрудничестве с В. Фрацилэ).

8 См. Glosar, c. 186-306, в вышеуказанной нашей книге.

9 В связи с этими заимствованиями возникает вопрос отграничения хорватских и словенских лексических элементов в диалекте, так как данные слова по своей форме и по своему значению имеют параллели как в хорватском, так и в словенском языке.

10 См. Г. Михайлэ, *Împrumuturi vechi slave, comune daco-românei și istro-românei*, "Studii și cercetări lingvistice", XXXIV, 1983, nr. 1, c. 43-53.

11 А. Ковачец, на основе *появлений* слов в текстах, составляющих корпус своего *истрорумынско-хорватского словаря*, приходит к выводу, что слова, унаследованные из прарумынского языка, составляют важнейшую словарную массу истрорумынских текстов, записанных им, в то время как иностранные (нерумынские элементы: славянские, особенно хорватские, итальянские и др.), несмотря на их большое число, часто имеют периферийную значимость. См. *Istrorumunjsko-hrvatski rječnik (s gramatikom i tekstovima)*, Pola, 1998, c. 306.

12 См. нашу работу *Морфосинтаксические структуры в глагольной системе истрорумынского диалекта. Влияние хорватского языка*, Rsl, XXXV, București, 1997, c. 57-71.

13 См. нашу работу, цитируемую в сноске 6.

14 См., например, Sextil Pușcariu, *цит. раб.*, passim.; E. Petrovici, P. Neiescu, *Persistența insulelor lingvistice. Cercetări făcute cu prilejul unor anchete dialectale la istroromâni, meglenoromâni și aromâni*, «Cercetări de lingvistică», IX, no. 2, Cluj, 1964, c. 187-214; Radu Flora, *Câteva observații cu privire la bilingvismul manifestat în graiurile istroromâne*, «Actele celui de-al XII-lea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică», II, București, 1971, c. 1009-1022; August Kovačec, *Iezik istarskih «Rumunja»*, в сб. «Anali za istrske in mediteranske študije», 6/95, Series historia et sociologia, 2, Koper, 1995, c. 65-74.

15 См. подробно об этом в нашей работе *Aspecte ale interferenței de coduri în istroromâna actuală*, в сб. «Relații interdisciplinare ale lingvisticii aplicate», Cluj-Napoca, 1989, c. 238-241.

16 В отличие от «асимметрического», «симметрический» билингвизм - идеальная форма этого явления, которая предполагает: использование в одинаковой мере двух «кодов», родного и неродного, способность говорящих производить и понимать высказывания в обоих языках, языковое сознание говорящих, что владеют обоими языковыми системами как средствами общения. См. Об этом нашу работу *Recurența sinonimică la vorbitorii bilingvi*, в сб. *Relații interetnice în zona de contact româno-maghiaro-ucraineană din secolul al XVIII-lea până în prezent* (coordonatori: dr. Hans Gehl și Viorel Ciubotă), Satu Mare – Tübingen, 1999, c. 331-338.

17 См. I. Coteanu, *Cum dispăre o limbă (Istroromâna)*, București, 1954.

18 Iosip Miličević, *Postoje li istrorumunji?* "Annales, Anali za istrske in mediteranske študije", 6/95, Series historia et sociologia, 2, Koper, 1995, c. 99.

19 Prof. dr. Ivan Biondič, dr. A.Ž. Lovrić, dr. Stjepan Murgić, dr. Mladen Rac, *Žejanci su prahrvati, a ne Rumunji*, "Glas Istre", 9 октября, 2000 г., с. 19.

20 См., например, в том же журнале "Annales, Anali za istrske in mediteranske študije", 6/95, Series historia et sociologia, 2, Koper, 1995: August Kovačec, *Iezik istarskih "Rumunija"*, с. 65-74; тот же, *Hrvatski i talijanski uticaji u istrorumunjskoj gramatici*, с. 89-97; Goran Filipi, *Istrska ornitonimia: ptičja imena v istrorumunjskih govorih*, с. 77-88; Srdja Orbanić, *Status attuale delle comunità istroromene*, p.57-64; Ervino Curtis, *La lingua, la storia, le tradizioni degli istroromeni*, в сборнике *L'Istroromeno. La lingua, la cultura, la storia. Parliamone per salvarlo*, Trieste, 1996, с. 6-12; Fulvio Di Gregorio, *Alcune note storiche sugli istroromeni*, в том же сборнике *L'Istroromeno...*, с. 20-24; Dario Marušič, *Le tradizioni musicali dei rumeri*, в том же сборнике *L'Istroromeno...*, p. 14-19.

Cf. și Elena Scărlătoiu, *Istroromânii și istroromâna. Relațiile lingvistice cu slavii de sud*, București, 1998.